

ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ

ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ XX ВЕКА .....

ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ

---

*Крутой
маршрут*

ХРОНИКА ВРЕМЕН
КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г49

Художественное оформление и макет — Андрей Бондаренко

Предисловие — Антонина Аксенова

Публикация дается без сокращений и исправлений по рукописи автора

Гинзбург, Евгения Семеновна.
Г49 Крутой маршрут : хроника времен культа личности / Евгения Гинзбург. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2025. — 744, [8] с. —
(Личные истории XX века).

ISBN 978-5-17-098606-4

“Крутой маршрут” Евгения Гинзбург начался в страшном 1937-м, ей было чуть больше тридцати, и закончился, как у многих, только после смерти Сталина. Восемнадцать лет неволи — тюрьма, лагерь, ссылка, снова тюрьма... Трехлетний сын Вася, будущий писатель Василий Аксенов, “познакомился” с матерью уже подростком, в Магадане, между двумя ее арестами.

В 1957 году Евгения Семеновна начала работу над книгой воспоминаний, которая была издана сначала за границей, а в 1988-м и в СССР. “Хроника времен культа личности” стала одним из главных произведений о сталинских лагерях, и первым — документальным — написанным женщиной.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098606-4

© Е. С. Гинзбург, наследники
© А. П. Аксенова, предисловие
© А. Л. Бондаренко, художественное оформление
© ООО “Издательство АСТ”

СОДЕРЖАНИЕ

АНТОНИНА АКСЕНОВА. О МАТЕРИ	7
ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ. ПРЕДИСЛОВИЕ	II
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	233
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	505
ОГЛАВЛЕНИЕ	745

АНТОНИНА АКСЕНОВА

О матери

Мне было три года, когда я вдруг ощутила доселе незнакомое: откуда-то из воздуха магаданского детдома возникло и сгустилось — то ли запахом, то ли на ощупь, а, может быть, я сразу увидела — и мгновенно поняла: мама! Надо мной наклонилась мама! Я это знала всеми своими чувствами и запомнила на всю жизнь. И где бы я с тех пор ни находилась, иногда и теперь рядом со мною что-то такое сгущается, и все мои чувства собираются в комок и явственно говорят мне о ее присутствии в моей жизни.

О том, что я приемыш, мама сказала мне лишь через пятнадцать лет, опасаясь, что мне станет известно об этом от кого-нибудь из читателей “Крутого маршрута”, уже опубликованного к этому времени на Западе и быстро распространявшегося в самиздате. Мне книгу долго не показывали, очевидно, опасаясь новых репрессий, которые в случае моей осведомленности могли бы коснуться и меня. А удочерение происходило в страшном для мамы 1949 году, когда ей грозил новый срок.

Мама печалилась о том, что книгу опубликовали без ее ведома — не потому что боялась мести властей, а оттого, что в рукописи все упомянутые лица названы подлинными именами. Она вздыхала: “Вот эта девчушка, которая в Казани смотрела на меня влюбленными глазами, — что будет, если она узнает, что это по доносу ее отца меня...” — и она сокрушенно качала головой.

Помню еще, как огорчалась мама, когда А. Твардовский во время поездки в Италию, полагая, будто может защитить возникшую в советской литературе лагерную тему, начатую Солженицыным, сказал, что “Новый мир” не собирается печатать книгу Евгении Гинзбург, потому что это “переперченное блюдо” (там были произнесены и еще какие-то малоприятные выражения).

“Он вернулся, — рассказывала мама, — заперся у себя на даче и который уже день по-черному пьет, бедняга!” Ни слова упрека, только жалость.

Не дело детей говорить о книгах своих родителей, я и не ставлю перед собой такую задачу. Есть масса отзывов — как солагерников, так и собратьев по ремеслу, литературоведов, друзей, противников, недоброжелателей, просто читателей. Ни спорить с кем-либо, ни отстаи-

Странно было бы, если б на этих страницах, ломясь в открытую дверь, я стала бы рассказывать о неимоверно большой роли, которую сыграла книга Евгении Гинзбург или ее личность в моей собственной жизни. Но мне все же было чрезвычайно интересно узнать о том влиянии, которое было оказано книгой и ее автором на людей моего поколения, то есть на шестидесятников — людей, заставших краешек сталинской эры и перешедших в постбрежневскую, а теперь уже и в постельцинскую эпоху.

Я спросила об этом одного из тех, кого мама в 60-е годы называла своими молодыми друзьями (вокруг нее всегда было много молодежи). Вот, что он мне написал в письме, разрешив цитировать его без указания имени: “Впервые я увидел Евгению Семеновну в доме моих родителей, когда мне исполнилось лет 17–18. К этому времени у нее уже были закончены какие-то главы ее книги, и в тот же вечер отец разрешил мне почитать рукопись, названную “Седьмой вагон”.

Я читал и вспоминал лицо и интонации женщины, которую я только что видел, и соотносил ее образ с написанным. Я не мог даже догадываться о существовании ада, описанного в рукописи, — я читал такое впервые, но вот эта женщина с искрящимися юмором глазами этот ад пережила. И я отчетливо помню, что эмоциональная буря, вызванная во мне рукописью, была спровоцирована не в последнюю очередь эстетическими достоинствами повествования, а не только ее гуманитарной направленностью.

Евгения Семеновна рассказывала (об этом есть и в книге, но я ясно помню ее устные выразительные средства), что она может по глазам определить бывшего лагерника и часто огорошивает незнакомого человека вопросом о том, где тот отбывал срок, — и ни разу не ошиблась! Я пытался понять, что выдает узника лагерей, и подолгу вглядывался в ее глаза — они были удивительные! Во-первых, они всегда светились. Во-вторых, в них всегда была готовность к остроте — своей или чужой. В-третьих, в них всегда была печаль — неизбывная и... таинственная, потому что поверх этой тоски всегда прыгали искорки, если не сказать: чертики.

Мне показалось, что я понял, как выглядит лагерный отпечаток в зрачках, и однажды, когда уже студентом МГУ я был на приеме у зубного врача, мне показалось, что я опознал в дантистке лагерницу. Мне был назначен новый прием на следующий день, и я отправился на него с огромным букетом цветов. В назначенный час кабинет был закрыт, и я стоял перед запертой дверью, когда, наконец, появилась сестра и сказала, что сегодня приема не будет: Анна Михайловна плохо себя почувствовала. “Вот, передайте”, — сказал я, протягивая букет. Так и не пришлось мне проверить, точно ли я определил лагерника, но что

ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ

Предисловие

*И я обращаюсь
к правительству нашему
с просьбой:
удвоить,
утроить
у этой плиты караул.*

ЕВТУШЕНКО

Все это кончилось. Мне и тысячам таких, как я, выпало счастье дожить до двадцатого и двадцать второго съездов партии.

В 1937-м, когда все это случилось со мной, мне было немного за тридцать. Сейчас — больше пятидесяти. Между этими двумя датами пролегло восемнадцать лет, проведенных ТАМ.

Много разных чувств терзало меня за эти годы. Но основным, ведущим было чувство изумления.

Неужели такое мыслимо? Неужели это все всерьез?

Пожалуй, именно это изумление и помогло выйти живой. Я оказалась не только жертвой, но и наблюдателем.

Что же будет дальше? Неужели ТАКОЕ возможно ПРОСТО ТАК? Без справедливого возмездия?

Жгучий интерес к тем новым сторонам жизни, человеческой природы, которые открылись передо мной, нередко помогали отвлекаться от собственных страданий.

Я старалась все запомнить в надежде рассказать об этом тем хорошим людям, тем настоящим коммунистам, которые будут же, обязательно будут когда-нибудь меня слушать.

Я писала эти записки как письмо к внуку. Мне казалось, что только примерно к восьмидесятому году, когда моему внуку будет двадцать лет, все это станет настолько старым, чтобы дойти до людей.

Как хорошо, что я ошиблась! В нашей партии, в нашей стране снова царит великая ленинская правда. Уже сегодня можно рассказать людям о том, что было, чего больше никогда не будет.

И вот они — воспоминания рядовой коммунистки. Хроника времен культа личности.

.....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК
НА РАССВЕТЕ

Тридцать седьмой год начался, по сути дела, с конца 1934-го. Точнее, с первого декабря 1934-го. В четыре часа утра раздался пронзительный телефонный звонок. Мой муж — Павел Васильевич Аксенов, член бюро Татарского обкома партии, был в командировке. Из детской доносилось ровное дыхание спящих детей.

— Прибыть к шести утра в обком. Комната 38.

Это приказывали мне, члену партии.

— Война?

Но трубку повесили. Впрочем, и так было ясно, что случилось недоброе.

Не разбудив никого, я выбежала из дому еще задолго до начала движения городского транспорта. Хорошо запомнились бесшумные мягкие хлопья снега и странная легкость ходьбы.

Я не хочу употреблять возвышенных оборотов, но чтобы не погрешить против истины, должна сказать, что если бы мне приказали в ту ночь, на этом заснеженном зимнем рассвете, умереть за партию не один раз, а трижды, я сделала бы это без малейших колебаний. Ни тени сомнения в правильности партийной линии у меня не было. Только Сталина (инстинктивно, что ли!) не могла боготворить, как это уже входило в моду. Впрочем, это чувство настороженности в отношении к нему я тщательно скрывала от себя самой.

В коридорах обкома толпилось уже человек сорок научных работников-коммунистов. Все знакомые люди, товарищи по работе. Потревоженные среди ночи, все казались бледными, молчаливыми. Ждали секретаря обкома Лепу.

— Что случилось?

— Как? Не знаете? Убит Киров...

Лепа, немного флегматичный латыш, всегда бесстрастный и непроницаемый, член партии с 1913 года, был сам не свой. Его